

Ключи к анализу ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Ищем и пишем

Юлия Сергеевна
Петрачкова,
школа 1514, Москва

С чего начать?

Первый подход – от общего впечатления. Я смотрю на стихотворение и стараюсь дать себе отчёт, что в нём с первого взгляда больше всего бросается в глаза и почему.

М.Л.Гаспаров

Любое слово является пучком, и смысл
торчит из него в разные стороны.

Мандельштам
«Разговор о Данте»

Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение.

А.Блок

Из записной книжки 1906 г.

Ассоциации/аллюзии

...Мы не нуждаемся во всех без исключения смысловых переключках, вскрытых трудолюбивыми учеными, - мы должны чувствовать их иерархию: такая-то ассоциация необходима для понимания, такая-то важна, а такая-то факультативна.

М.Л.Гаспаров

Есть четыре вида подтекстов: 1) текст, служащий простым толчком к созданию какого-нибудь нового образа; 2) «заимствование по ритму и звучанию»; 3) текст, поддерживающий или раскрывающий поэтическую посылку последующего текста; 4) текст, являющийся толчком к поэтической полемике.

... в отличие от двух последних видов подтекста, первые два не обязательно способствуют нашему более тонкому пониманию данного стихотворения.

К.Тарановский
«О поэзии и поэтике»

Дата

Начинать нужно со взгляда на текст и только на текст – и лишь потом, по мере необходимости для понимания, расширять своё поле зрения.

М.Л.Гаспаров

Всеволод Зельченко

Футуристы в 1913 году

Когда могучая зима пригнула нас к земле
И в пляс безносая сама пустилась на столе,
Когда опробовал Молох железное нутро,
Твой выбор был не так уж плох, покойница Гуро.

Когда рогатый Актеон завидел кобелей,
Когда уже шатался трон балканских королей,
Когда играли попури и верили в метро,
Нам говорила «отомри» покойница Гуро.

Она склонялась над котлом, где булькала вода,
Вертясь винтом, варились в нем волчцы и лебеда,
Кто приносил ей изумруд, а кто совал пятак -
Она хватала, что дадут, и припевала так:

«НИКТО НЕ МОЖЕТ ЗНАТЬ, ЗАЧЕМ НАД НАМИ ВОЛЕН ТОТ,
КТО НАС ОСУШИТ, А ЗАТЕМ ПО ГОРЛЫШКО НАЛЬЕТ,
КТО НАС ОТПУСТИТ, А ПОТОМ НАВЕКИ ПРИКУЕТ.»

Звук труб, бунт букв, буй тур, ух, крут, шипит и гаснет трут,
Мы не плывем, шурум-бурум, мы смотрим из кают,
О бойся полиглота, сын - он в самом деле дик:
В его груди заумный рык бушует, как хамсин.

И безалаберный Пилот, и Ангел в сюртуке,
И Царь зверей, и даже тот, кто с бритвою в руке,
И Иноходец ломовой, на ком горит тавро, -
Мы все стояли пред тобой, покойница Гуро.

И мы молились, бросив стыд, не в силах встать с колен:
Господь Всевышний да хранит покойницу Элен,
А ровно в полночь, без огней, расталкивая мрак,
В галоп пускали мы коней и молча пели так:

«НИКТО НЕ МОЖЕТ ЗНАТЬ, ЗАЧЕМ НАД НАМИ ВОЛЕН ТОТ,
КТО НАС ОСУШИТ, А ЗАТЕМ ПО ГОРЛЫШКО НАЛЬЕТ,
КТО НАС ОТПУСТИТ, А ПОТОМ НАВЕКИ ПРИКУЕТ.»

Михаил Айзенберг

Слово на ветер; не оживёт, пока
в долгом дыхании не прорастёт зерно.
Скажешь «зима» — и всё снегами занесено.
Скажешь «война» — и угадаешь наверняка.

Не говори так, ты же не гробовщик.
Время лечит. Дальняя цель молчит.
Но слово за слово стягивается петля;
всё от него, от большого, видать, ума.

Скоро заглянешь за угол — там зима.
Выдвинешь нижний ящик — а там земля.

Полина Барскова

МУТАБОР

Аист аисту летит
Аист аисту кричит
Неубитого живого!
Дай давай разбудим слово!

Казалось бы какие только слова
Они не испробовали на вкус не использовали на звук
На прочность
Живые слова мертвые слова
Слова своих родителей безобразные слова своих
старших сестер

Они заполнили себя словарями синонимов рифм
Технических и медицинских терминов
Непристойностей и имен

Слова с нестерпимым звуком со свистом проносились
мимо
Оставляя нас пустыми но недоудовлетворенными
Мы шли ночью
Мое сердце дрожало как новорожденный крысенок
Желанный жалкий зимний приплод
Вывалившийся на тугие брусничные листья
Скрипящий как корень мандрагоры

Мы ждем перемен сказал ты
С ледяною насмешкой Пьеро-то-ли-
Арлекина
Мертвый поэт М. Семенко на краю земли
Пишет тьмы кричащих стихов
Живой поэт Александр С. ходит по Амхерсту
Машет длинными руками: калиф-аист,
оценивает, смеется.

Нет: мы ждем перерожденья
Они испробовали все слова
Какие только приходили им на ум:
И муртобор, и мурбутур, и мурбурбур, и
муртубур.

Но ничто не помогало,
Заветное слово навсегда исчезло из памяти,
И они как были,
Так навсегда и остались аистами.

Ибо вместе с этим ничтожным клочком пергамента ты держишь в своих руках великую тайну: если ты понюхаешь черный порошок из этой коробочки и произнесешь священное слово: "Мутабор" — ты можешь обернуться всяким зверем лесным, всякой птицей небесной, всякой рыбой морской и будешь понимать язык всех живых существ на земле, в небе и в воде. Когда же ты пожелаешь снова принять образ человека, поклонись три раза на восток и снова произнеси священное слово: "Мутабор". Но горе тому, кто, приняв образ птицы или зверя, засмеется. Заветное слово навсегда исчезнет из его памяти, и уже никогда не стать ему снова человеком.

В.Гауф

«Калиф-аист»

— Клянусь бородой пророка, — воскликнул он, — это будет плохая шутка, если мне придется навсегда остаться аистом! А ну-ка припомни это дурацкое слово. Что-то оно вылетело у меня из головы.

— Мы должны трижды поклониться на восток и сказать: "Му... му... мутароб".

— Да, да, что-то в этом роде, — сказал калиф. Они повернулись лицом к востоку и так усердно стали кланяться, что их длинные клювы, точно копья, вонзались в землю.

— Мутароб! — воскликнул калиф.

— Мутароб! — воскликнул визирь.

Но — горе! — сколько ни повторяли они это слово, они не могли снять с себя колдовство.

Они перепробовали все слова, какие только приходили им на ум: и муртубор, и мурбутор, и мурбурбур, и муртурбур, и мурбурут, и мутрубут, — но ничто не помогло. Заветное слово навсегда исчезло из их памяти, и они как были, так и остались аистами.

Осип Мандельштам

Ласточка

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Слепая ласточка в чертог теней вернется,
На крыльях срезанных, с прозрачными играть.
В беспамятстве ночная песнь поется.

Не слышно птиц. Бессмертник не цветет,
Прозрачны гривы табуна ночного.
В сухой реке пустой челнок плывет,
Среди кузнечиков беспамятствует слово.

И медленно растет как бы шатер иль храм,
То вдруг прокинется безумной Антигоной,
То мертвой ласточкой бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой.

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,
И выпуклую радость узнаванья.
Я так боюсь рыданья Аонид,
Тумана, звона и зиянья.

А смертным власть дана любить и узнавать,
Для них и звук в персты прольется,
Но я забыл, что я хочу сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.

Все не о том прозрачная твердит,
Все ласточка, подружка, Антигона...
А на губах, как черный лед, горит
Стигийского воспоминанье звона.

Константин Рупасов

Где мое слово, черная птица кафка? -
буковка на снегу - улетишь, и всё.
Как заброшенный дом, как пустой рукав, как
город на дне - где моё слово, сон?

Как во время отлива вода из окон,
как по ночам воющая вдовой
память - где моё слово, вещая рыба Окунь,
спящая под водой?

Всё не мои, немые, тонущие потомно -
где моё слово, вечное, как "Варяг"?

...Светло-серые тени летят по тёмно-
серому небу. Знают. Не говорят.

Григорий Дашевский Одиссей у Калипсо

Памяти Н.Куна

Близкий голос во мгле: *Одиссей*.

Он кивает, молчит.

Его руки как будто слабей
темноты. Он укрыт

темнотою, текущей из глаз
чьих-то вниз, из глазниц
в узкий и поддающийся паз
там, поблизости. Лиц

не видать, незаметен пробел
между нею и им,
словно издали кто-то глядел
на стан статуи, грим

света снявшей и спящей в тоске
с тенью, с тенью своей.
И наутро, когда вдалеке —
моря шум, Одиссей

клонит голову вниз, потому
что вчера зачерпнул
утлым черепом мглы и ему
скучен пристальный гул.

Январь 1983